

Содержание

Среда 7
Четверг 15
Пятница 19

Среда 22
Четверг 25
Пятница 29

Среда 33
Четверг 39
Пятница 42

Среда 45
Четверг 49
Пятница 53

Четверг 57
Пятница 60

Четверг 62
Пятница 67

Четверг 70
Пятница 77

Считалка 79

Суббота 81

Пограничная зона
11 часов 25 минут 82
11 часов 55 минут 85

«Очень своевременная книга!»

Больше двадцати лет по периметру распавшейся большой страны вспыхивают войны. Для самоутешения и самообмана мы невнятно называем их «международными конфликтами».

Писатели нового поколения, прошедшие через эти «войны-конфликты», немало написали о них. Но во всей этой, достаточно обширной уже литературе, я не знаю произведения по силе эмоционального воздействия равного маленькой повести Тамты Мелашвили «Считалка».

Этой прозе присущи прямота и правда, глубина и наивность, детская искренность и пронзительная нежность. Простота слога в ней органично сочетается с изощрённой сложностью композиции. С помощью всех этих средств повествование освобождается от литературности и о боли говорит болью, о нежности — нежностью, о страхе — беспомощным детским испугом.

В повести нет ни взрывов, ни выстрелов, но война не просто присутствует в ней, она оказывается её главным действующим лицом. Войной пропитана вся порушенная и поруганная жизнь, буквально каждый вдох и выдох жителей городка, в котором происходит действие.

Думаю, что особая пронзительность повествования пристёкает оттого, что она написана совсем молодой женщиной, а её героини — две тринадцатилетние девочки, чей подростковый мир и пробуждающая женственность сталкиваются со слепой жестокостью войны.

Александр Эбаноидзе

Среда

Мама сказала: Молока совсем нету, вот он и плачет.

У мамы нету молока, потому и плачет, сказала я Нинце. Что будешь делать? сказала Нинцо. Опять Гвелесиани, другого выхода нету. Она мучила скобу калитки. Калитка скрипела. Вчера зашёлся до судорог, сказала я. Пришлось опять макать палец в вино и совать ему в рот. Уснул кое-как. Говорю тебе, выход один – аптека Гвелесиани. Надо это сделать. Мама убьёт меня, сказала я. Меня тошнило. Помрёт у вас ребёночек, и пусть потом твоя мать твердит: Бог прибрал ангелочка, сказала Нинцо тоненьким голоском. Не выламывайся, сказала я. И отчего вы с матерью такие debilки? Я стиснула Нинцыну руку на скобе калитки. Перестань скрипеть, достала. Ладно, Нинцо убрала руку. Ты же её знаешь, сказала я. Целый час кляла меня за чай и макароны, украденные в магазине Мананы. Угу, сказала Нинцо и опять взялась

за скобу. Как узнала-то? Ты же за гумпомощь выдала, от тёток-гуманитарок. Да, сказала я. А ценники сорвать забыла. Я же говорю — дебилка. Оставь калитку в покое. Убери руку! И ты убери. Сперва ты. Ну вот. Помолчали, глядя друг на друга. Зайди во двор, и выйдем вместе, сказала Нинцо, глядя мимо меня. Во дворе сидел дед Заур. Уставился куда-то и не шевелился. В замызганном костюме, собрал весь свой хлам и повесил на грудь. Глянь на него. Нормальный, да! сказала Нинцо. Так в медалях и сидит весь день. А ступает-то как. Как ступает, сказал дед Заур. Курва из неё растёт. Оторва. И из тебя оторва. В доме её бабка помирает, а она... Дедушка, сказала Нинцо, иди в дом, ты же видишь, они опять разлетались, опасно. Да ну их! сказал дед Заур и отвернулся. У Нинцы была вскопана земля для цветов, я приминала её кроссовками. Сейчас переоденусь и выйду. Бабка помирает совсем, повторил дед Заур. Я промолчала. Что это за война, сказал дед Заур. Это не война. Эти с этой стороны, те с той, а посередине что? Коридор откроют, сказала я. Что? Какой ещё коридор? Так говорят, сказала я. Отец моего одноклассника сказал. Пустое, хмыкнул Заур. Ничего не откроют, вот увидишь, перебьют нас здесь. Откроют, сказала я. Отец моего одноклассника сказал, что на днях откроют. Отец одноклассника, отец одноклассника, передразнил дед Заур и скривился. Перестань топтаться. Что они так летают? глянул на небо. Как так? спросила я. Да как-то не так.

Перебьют нас. Ещё чего, сказала я. До сих пор бы перебили. Ответь-ка мне, кому больше веры: мне или безногому отцу твоего одноклассника? Отцу моего одноклассника. Эх, вздохнул дед Заур. Ну пошли, Нинцо прикрыла дверь за спиной. На ней было синее платье. Курево у меня таскает, сказал дед Заур. Курва она, крикнул вслед. Оторва. Нинцо сделала вид, что не слышала, разглядывала платье. Смотри, какое! Шик, правда, Кнопка! Только карманы отпорола. Приподняла подол, крутанулась. Я узнала платье. Воровка, сказала я. Воровка! Да ладно тебе, сказала Нинцо. Сколько раз говорила, не трогай чужое. Не начинай опять, сказала Нинцо. Украсть у мёртвого не воровство, запомни раз и навсегда. Откуда ты знаешь, что она мёртвая? Откуда? Не знаю, сказала Нинцо. Я знаю только её брошенный дом. Так изучила, с завязанными глазами войду и выйду, и перестань уже, хватит, тошнит. Ладно, сказала я. Ладно. Вот и хорошо, сказала Нинцо и погода: Больше ничего не возьму. А это уж очень понравилось. Синее. Маму в таком помню. Ладно, сказала я, ладно... К тому же у меня для тебя сюрприз... Мы вышли на главную улицу, на пустую улицу. Сюрприз? тупо повторила я. Шагай быстрее, не утерпела Нинцо. Дело делом, а сюрприз сюрпризом. Хорошо, сказала я, только с одним условием. Идёт, но условие потом. Почему мы пошли отсюда? сказала я. Нас могут увидеть. Обходить долго. Нас увидят, Нинцо, сказала я. Ну ладно, ладно! Нинцо взглянула на меня

расширенными глазами. Так и быть. Мы зашли с другой стороны. Посмотри повнимательней, сказала я. Никого нет, сказала Нинцо. Первой пролезла я. Я проскользнула легко, ей пришлось потруднее. Осторожно отодвинули сломанный засов и забрались в дом. Глаза быстро привыкли к полумраку, шторы и не думали раздвигать. Давай сюда, сказала Нинцо. Что покажу, обалдеешь! Когда успела побывать? спросила я. Не помню, может, дня два, сказала Нинцо. Квернадзе сбил замок. Силён! сказала я. Прямо медвежатник. Громила. Кнопка! засмеялась Нинцо. Грубых слов не говори, Бог накажет. Да иди ты! я толкнула её плечом. Вошли в спальню. Нинцо распахнула шкаф. Вот, о чём я тебе говорила. И что это? спросила я без души. Как что, дурочка! Это же плеер! А к нему диски. Сечёшь? Видать, не заметили, потому и не взяли. Работает как новенький. Вот! сказала Нинцо, она была возбуждена. Разве не здорово? А дисков сколько! Сделай потише, сказала я. Наверно, всё это Датуны, и плеер, и диски. А ты помнишь Датуну? глаза у Нинцы заблестели. Крутой был парень. Я-то думала, что ты его не помнишь. Ты же ещё дитё! Нинцо фыркнула. На мужчин не смотрела. А тут место серьёзное, его гнездо. Чуешь? Да, сказала я. Только сделай потише. Нинцо поднялась. Кнопка-малышка, давай потанцуем. Не хочу, сказала я. Да ладно, чего ты, Нинцо не стала ждать, задвигалась в танце. Кайф! она закинула голову и покачивалась размеренно. А где сюрприз?

спросила я. Сюрприз? переспросила. Счас. Вот тебе и сюрприз. Достала из лифчика пачку сигарет. Откуда? спросила я. Это что, подруга, допрос? Нинцо осталась, выключила плеер. Кнопа-малышка, что с тобой? Я тебя не узнаю. Что с тобой происходит? Всё из-за братишки? Скажи, откуда у тебя сигареты? Меня мутило. Тот голубоглазый дал, сказала Нинцо и отвела взгляд. Нинцо! сказала я. Нинцо! Ты с ума сошла! Ты ходила к ним? Зачем? Да какой там ходила, насобираала подорожник для бабушки, шла мимо, чего на стену лезешь, ей-богу. Возле поста он стоит. Один. Подозвал, я и подошла. Нинцо! сказала я. Что? Говорю: Сигаретки не найдётся? Думала, стрельну парочку, а он всю пачку дал. Подарил. Нинцо! сказала я. Ты же знаешь, как с ними опасно! А если б кто-нибудь из наших увидел? Меня подташнивало. Мне, подруга, уже по барабану, сказала Нинцо. А он ничего, скажу тебе, крепкий тип. Глаза голубые, и накачан, прям культурист. Я ему нравлюсь, клянусь мамой. Знаешь, какими глазами на меня смотрел. А ещё скажу — обалдеешь! Часто, говорит, вижу тебя с маленькой девочкой. Это он о тебе. Да, сказала я, это моя младшая сестра. Она вскрыла пачку. Дура, сказала я. Идиотка! Зачем было врать. Вот уж кто дура, так это ты. Что я должна была сказать? Что мы подруги? Одноклассницы? Думаешь, поверил бы? Нинцо посмотрела на свою грудь. Какая же ты тварь, сказала я. А что потом? Что — потом? Дал мне сигареты, я улыбнулась

и ушла. Нинцо закурила. Он тоже улыбнулся. Пустила дым мне в лицо. Тварь, сказала я. Меня от тебя тошнит. Раз ты сумела так с ним объясниться, надо будет училку Валентину поблагодарить, может, она и отметку за четверть повысит. Нинцо глянула на меня. Так глянула, что я замолчала. Тоже взяла сигарету и закурила. Послушай, сказала Нинцо и раздавила окурочек в спичечном коробке. У Квернадзе к нам какое-то дело. У Квернадзе? переспросила я. Да, а что? Ты так удивляешься, как будто первый раз о нём слышишь. Дело, как я поняла, серьёзное. Нинцо тоже посерьёзнела. Ну, если уж Квернадзе, сказала я. Нинцо дала подзатыльник. Так-то лучше, сказала она. А то последнее время не узнаю тебя. Пугаешь, клянусь памятью матери. Вообще-то, табак какой-то, на наш непохожий. Мягкий, что ли? Да, хороший, сказала я. От него не кашляю. Нет проблем, Кнопа, я ещё у него возьму, засмеялась Нинцо. Нинцо! крикнула я. Ладно, ладно, шучу. А теперь чего будем делать? Нинцо оглядела комнату. Давай посмотрим, что за узлы навалены на этом шкафу, помоги-ка их спустить. Нет, сказала я. Мы же договорились. О чём мы договорились? сказала Нинцо. А? Ты прекрасно знаешь, о чём. Да подожди ты, сказала Нинцо. Сперва посмотрим, что в тех узлах, а потом решим. Нинцо! сказала я. Она приставила стул к шкафу, влезла на него и стала по одному сбрасывать узлы. Посмотрим, что в них. Я же ничего не беру, только смотрю. Нинцо! сказала я. Нинцо,

Нинцо, Нинцо! крикнула Нинцо. Достала уже! она прыгнула со стула. Достала! Или поможешь, или вообще! Вот где у меня твоя порядочность! провела рукой по горлу. Эти отсюда дали дёру. Пойми ты наконец: ушли, смотались. И знаешь почему? Потому что они не такие убогие, как мы с тобой. У них деньги были. Заплатили и ушли. А я? А ты? Мы тут подохнем, потому что у нас нет толстой задницы, как у них! Они будут жить, а я, перед тем как подохнуть, даже их лохмотья не посмею надеть, так, что ли? Так, я тебя спрашиваю?! На висках у Нинцы вздулись жилки. А теперь смотри на меня! Я возьму всё. Весь дом вынесу! Всё вынесу отсюда! Нинцо пнула стул и закричала: Вынесу к чёртовой матери! Хватит, сказала я. Тише. Ладно, делай, как знаешь. Я придвинула стул к шкафу. Лезь и подавай. Нинцо глянула на меня. Так-то, сказала. Неужели надо было наорать, чтобы ты помогла. Встала на стул, подала сверху узел. Одежда, сказала я, старая. И какие-то то ли шторы, то ли занавески. Отлично, сказала она сверху. Занавески порву на пелёнки для бабушки, а шмотки надену! Тут много мужских вещей, сказала я. Ничего, тоже пойдут на подстилки для Ламары. Глянь! показала мне руки. Видишь, на что похожи от стирки её подстилок. А эти буду менять и выбрасывать! Перебрали всё, получилось два узла, остальное свалили там же. Ночью заберу, а то ещё увидит кто-нибудь, прицепится, сказала Нинцо. Нинцо! сказала я погодя. А как же то, что ты поклялась?